

УДК 811.161.1

Моделирование речевой деятельности судебного оратора в стадии судебных прений**Виноградова Т.Ю.**

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье рассматриваются наиболее эффективные приемы моделирования публичной речи в суде, способствующие успешной реализации основного концепта речи.

Ключевые слова: адресант, адресат, речевая деятельность.

Основными субъектами речевой деятельности в стадии судебных прений являются судебный оратор и судебная аудитория. Процесс идентификации двух подсистем оратор <-> аудитория управляется, прежде всего, оратором, но с учетом аудитории, которая мыслится как «специфическая социальная группа в сложной совокупности индивидуальных, социально-психологических качеств и черт» [1, с. 11]. Судебная аудитория очень разнородна (кроме выездных процессов, где основной состав слушателей можно прогнозировать). На открытом судебном процессе судебную аудиторию составляют следующие группы: 1) профессиональные участники процесса (суд, прокурор, адвокат), то есть люди, принимающие участие в процессе в силу своих профессиональных и процессуальных обязанностей; 2) иные участники процесса, заинтересованные в исходе дела или оказывающие помощь в его рассмотрении (подсудимый, потерпевший, свидетели, эксперты), явившиеся в суд для защиты своих интересов или исполнения возложенных на них законом процессуальных обязанностей; 3) публика, пришедшая в суд из личных побуждений (профессиональный интерес, праздное любопытство и т.п.). Т.М. Дридзе в своих работах [2; 3 и др.] последовательно выявляет и доказывает наличие специфических социально-психологических групп с разным коммуникативно-познавательным поведением в ходе общения, а соответственно, и с различными возможностями декодирования, интерпретации поступающей информации.

Т.М. Дридзе выделяет следующие семиотические группы: 1) характерен наиболее высокий уровень

коммуникативно-познавательных умений и навыков при соответственно высоком уровне перцептивной готовности. Основная ее черта – готовность и умение интерпретировать текст в соответствии с коммуникативным намерением партнера по общению. Вошедшие в эту группу индивиды, обладая аналитическими способностями и достаточно большим запасом смысловых элементов, извлекали из текста как "первичную" (связанную с основной коммуникативной интенцией автора), так и вторичную (сопутствующую) смысловую информацию; 2) характеризуется средней перцептивной готовностью и средним уровнем коммуникативно-познавательных умений. Основная присущая ей черта – ориентация не на цель, а на тему общения. Представители этой группы не всегда адекватно интерпретировали текст, но улавливали существенные элементы его общего содержания; 3) характеризуется полным отсутствием приобщенности к подъязыку исследуемой сферы социальной коммуникации. Представители этой группы практически не могли интерпретировать предложенный текст; 4) основная присущая ей черта – неадекватное оперирование хорошо знакомыми смысловыми элементами подъязыка исследуемой сферы социальной коммуникации. Характеризуется низким уровнем перцептивной готовности, поскольку вместо того, чтобы извлекать из текста коммуникативное намерение партнера по общению, идентифицироваться с ним, входящие в нее испытываемые лишь «самопрезентировались». Происходит смещение смысловых фокусов, извлекается побочная, вторичная для данного текста информация. Характеристики пятой семиотической группы дают

набор черт 4-ой и 3-ей групп, а 6-ой – аналогичны четвертой группе.

Небезразличными к формированию семисоциопсихологической структуры личности оказываются демографические и социальные признаки, такие как пол, возраст, уровень образования, профессия, а также образовательный уровень и социально-профессиональная группа родителей. В первой и во второй группе представлены по преимуществу мужчины, в 3-ей, по преимуществу женщины. В 4-ой группе мужчин на 12 % больше, чем женщин. В 5-ой и 6-ой группах картина обратная. В 1-ой и 2-ой группах преобладают люди среднего (30-49) и старшего возрастов (50 лет и старше). В 1-ой же группе люди только с высшим и средним образованием. Во 2-ой группе – в основном молодежь со средним образованием, но есть и лица с высшим образованием. В 3-ей группе отсутствуют лица с высшим образованием при большом числе лиц с незаконченным средним и т.д. Т.М. Дридзе считает, что наиболее существенным из социальных признаков для семи-социопсихологических типов оказывается уровень полученного образования и характер деятельности.

Речь судебного оратора, в первую очередь, ориентирована на профессиональных участников процесса, особенно те ее части, где даются юридическая квалификация деяния и рекомендации о мере наказания. И, как показывает наш анализ, именно эти части строятся по модели официально-делового стиля, по стилистической модели, близкой к модели процессуальных документов, то есть по тому типу текста, который экспектируется как наиболее адекватно интерпретируемый в профессиональной юридической аудитории. Но при подготовке речи судебный оратор должен, по возможности, считаться со всеми семиотическими группами, представленными на судебном процессе, поэтому большая часть речи строится по модели публицистического стиля, так как подъязык этой сферы коммуникации экспектируется как наиболее доступный декодированию. Оратор должен оценить весь комплекс социально-психологических характеристик аудитории, ее установок, мотивов, настроений. Как показывают исследования психологов, аудитория наиболее внимательна в середине выступления, не случайно в срединной части речи дается анализ и оценка доказательств по делу.

Для установления взаимопонимания с аудиторией судебному оратору следует учитывать некоторые психологические особенности контактного взаимопонимания. На первом этапе общения необходимо выделить все то, что может быть расценено, и что более важно, эмоционально воспринято как «созвучие» («консонанс»). Как правило, наиболее сложившимся способом вхождения в «контакт» является следование общепринятым правилам и наиболее общим конвенциональным установкам. На судеб-

ном процессе – это, прежде всего, нормы, предписываемые ролевым поведением оратора, его процессуальными задачами. Концентрируется внимание на том, что является общим, наиболее приемлемым социально. Не случайно речь, как правило, начинается с социальной оценки деяния, то есть преступление рассматривается в рамках какого-либо общественно значимого события, оценивается его общественный, социальный резонанс. Оценка идет с позиций общих социальных и культурных ценностей, в речи употребляются некоторые стандартные, общедоступные, клишированные выражения.

На следующем этапе периода установления контакта судебный оратор приглашает аудиторию к сотрудничеству. В речи употребляются разнообразные формы апеллятивов, контакторов. На последующих этапах общения оратор <-> аудитория в идеальном случае должно происходить все то, что психологи называют «вчувствованием» в другого человека, «эмпатией». Психологи подчеркивают наибольшую эффективность общения, протекающего в психологически комфортных условиях. Для создания условий, благоприятствующих результативности межличностного общения, судебный оратор должен соблюдать следующие рекомендации: 1) психологически интерпретировать поведение аудитории непосредственно в каждый момент общения, фиксировать изменения в познавательных процессах, чувствах адресата, определять причины, которые эти изменения вызывают; 2) оратор должен иметь широкий набор оценочных эталонов, позволяющих ему сравнивать характер изменений, наступающих в вербальном и невербальном поведении адресата; 3) судебный оратор должен постоянно отдавать себе отчет в том, как воспринимают и психологически интерпретируют его облик и поведение другие участники общения и соответственно «делать поправку» на это влияние, но оставаясь в рамках, предписанных ролевым поведением; 4) судебный оратор должен, по возможности, располагать знаниями о типичных ошибках типа «эффекта ореола», «стереотипизации», «проецирования», «эффекта смысловых ножниц» и других, которые допускаются в общении.

Одним из наиболее частотных в юридической практике отрицательных последствий речевого разобщения является так называемый «эффект смысловых ножниц». Эффект смысловых ножниц описан Т.М. Дридзе как возникновение смыслового вакуума, вызванного несопадением смысловых «фокусов» текстовой деятельности партнеров в ходе знакового общения. Она называет три коммуникативные ситуации, в которых названный эффект имеет место [3]. Эти коммуникативные ситуации отмечены и в речи судебного оратора. *Ситуация 1. Несоответствие содержательно-смысловой структуры текста его воплощению в речи.* Разночтение в этой ситуации

как бы запрограммировано невысоким уровнем мастерства судебного оратора, неумением адекватно воплотить в речи свой замысел. Ситуация II. Возникает при несоответствии используемых в речи языковых средств «языковым ресурсам», имеющимся в распоряжении адресата. Мы выделяем несколько лингвистических групп, которые, как правило, затрудняют интерпретацию речи судебного оратора.

Группа 1. Узко специальная юридическая терминология, служащая для обозначения собственно правовых явлений и категорий (опознание, баллистика, реституция, одорология, деяние и т.п.). Архаическое слово «деяние» совмещает в себе два противоположных понятия – действие, то есть активное поведение виновного и бездействие, то есть пассивное поведение (совмещение этих двух значений затрудняет интерпретацию термина).

Группа 2. Медицинская, политическая, экономическая и другая терминология, употребляемая в речи: оферта (экономич.), эстопель (полит.), наркомания (медицинск.).

Группа 3. Слова общелитературного языка, использованные в специальном значении. I. Проступок – поступок, нарушающий правила поведения, провинность [см: 4, С. 614.]. II. Проступок – противоправное поведение, влекущее по действующему законодательству ответственность дисциплинарную... [см: 5, С. 305]. I. Взятничество – должностное преступление, заключающееся в получении взяток [см: 4, С. 614]. II. Взятничество – в отечественном уголовном праве понятие, охватывающее три вида преступлений: получение взятки, дачу взятки и посредничество во взяточничестве [см: 5, С. 38].

Группа 4. Так называемые оценочные термины типа «особо тяжкое деяние», «крупный ущерб», имеющие смысловую вариативность. Содержание этих терминов должно устанавливаться в зависимости от конкретных обстоятельств.

Группа 5. Полные лексические омонимы. Возникновение омонимии связано с тем, что при образовании термина семантическую специализацию получают несколько оттенков значения слов. Например: 1. Промысел – вид, запрещенной законом, деятельности и 2. Промысел – изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, т.е. особый характер преступной деятельности. Как показало лингвосociологическое исследование, проведенное на кафедре теории и истории государства и права Львовского университета им. Ивана Франко, одной из наиболее частотных причин возникновения эффекта «смысловых ножниц» является специальное смысловое наполнение общепотребительных знаков в юридической практике (т.е. группа 3). В результате исследования обнаружено, что наиболее часто в разъяснениях нуждаются системы понятий, обозначающих действия, что, по мнению специалистов, вызвано тем, что «описание действий занимает большую часть законодательных текстов, образует "сердцевину" юридических норм.

Причем характеристика юридически значимых действий содержится не только в диспозиции, но также в санкции, а часто – и в гипотезе нормы» [6, С. 54].

Группа 6. Стереотипные речевые формулы, превратившиеся в «штампы сознания» (речевые штампы), например, («... и он, рискуя жизнью, шагнул в огненную стихию»). Мы различаем «языковой штамп» и «языковое клише». Языковое клише – это всякая готовая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность ее появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях. В речах судебных ораторов клише стало нормой, что естественно и даже необходимо, так как позволяет поставлять относительно общезначимую и общепонятную информацию (например: привлечь к уголовной ответственности; обращение к суду – ваша честь и т.п.).

Группа 7. Неумело использованные риторические вопросы. Известно, что риторические вопросы можно использовать только тогда, когда положение, облеченное в форму риторического вопроса, доказано. Прокурор в обвинительной речи: «Кто и когда дал ему право поступать таким образом?». Адвокат: «Разве можно верить человеку, который питает ненависть к подсудимому?!». Эти риторические вопросы уместны лишь в том случае, если публика была подготовлена к положительному ответу в ходе предыдущего разбирательства.

Ситуация III. Очень низкий уровень семисоциопсихологической подготовки адресата (судебной аудитории), препятствующий адекватному восприятию речи. Затрудняют восприятие речи и некоторые ошибки, связанные с нарушением норм языка:

I. Смещение паронимов. Например: «Всем нужно учиться хозяйничать» (вместо хозяйствовать).

II. Неточное словоупотребление. Например: «Сидоров дернул – и гряда волос Синякиной оказалась у него в руке» (вместо пучок).

III. Неправильное употребление фразеологических оборотов. Например: «Чаша терпения лопнула» (вместо «терпение лопнуло» или «чаша терпения переполнилась»).

IV. Ошибки в образовании падежных форм имен существительных. Например: «Именно в то время в магазин поступила новая партия чулков и носков» (вместо чулок).

V. Нарушение норм управления. Например: «Зол против него» (вместо на него).

VI. Смещение конструкции. Например: «Главное, на чем настаивал прокурор, – это на требовании...» (вместо это требование).

VII. Неожиданное свертывание предложения, связанное, как правило, с перестройкой фразы на ходу. Например: Строго говоря /мы других каких проблем/ здесь вообще нет//

VIII. Неправильное ударение. Например: пр`иговор, д`оговор, кв`артал (вместо пригов`ор, догов`ор, кварт`ал).

IX. Неправильное произношение звуков, нарушение норм благозвучия (скопление гласных или согласных, неблагозвучные аббревиатуры, немотивированная ритмизация, неуместная рифма). Частотность этих ошибок зависит

от языковой подготовки оратора, опыта публичных выступлений, состояния его эмоциональной напряженности.

Говорить о воздействующем эффекте публичной речи можно лишь в случае её адекватной интерпретации аудиторией. Адекватность интерпретации интересует нас с точки зрения целевого подхода, где адекватность понимания означает адекватную замыслу интерпретацию смыслового содержания коммуникации. Естественно, судебный оратор стремится к адекватной интерпретации речи, так как только в этом случае осуществляются все ее целевые установки: 1) убедить суд и судебную аудиторию в правильности избранной оратором позиции по делу и тем самым способствовать успешной реализации назначения уголовного судопроизводства; 2) обеспечить правовое и нравственное воспитание граждан. Следует отметить, что если гениальное художественное произведение характеризуется именно возможностью многоаспектных интерпретаций, то наиболее эффективная речь должна интерпретироваться однозначно, и, прежде всего, ее юридический концепт.

Литература:

1. Ножин Е.А. Проблемы теории публичной речи: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1974. – 47 с.
2. Дридзе Т.М. Организация и методы лингвосоциологического исследования массовой коммуникации. – М.: МГУ, 1979. – 281 с.
3. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 269 с.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – 6 изд., стереотип. – М.: Сов. Энциклопедия, 1964. – 900 с.
5. Юридический энциклопедический словарь / Гл.ред. А.Я. Сухарев. Ред.кол.: М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. – М.: Советская энциклопедия, 1984. – 415 с.
6. Рабинович П.М. Проблемы теории законности развитого социализма. – Львов: Вища школа, 1979. – 203 с.

Modeling of Speech of Forensic Orator on the Stage of Judicial Pleadings

T. Vinogradova
Kazan (Volga Region) Federal University

The paper deals with the most effective devices of modeling of public speech in the court aiming at successful realization of basic concept of speech.

Key words: addresser, addressee, speech.

